

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.16-17

ПЕРВЫЙ УГОН

СТР. 8-11

**БОЛЬШОЙ
КРАСИВЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№25 (210)
ИЮНЬ 2024

**БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ**

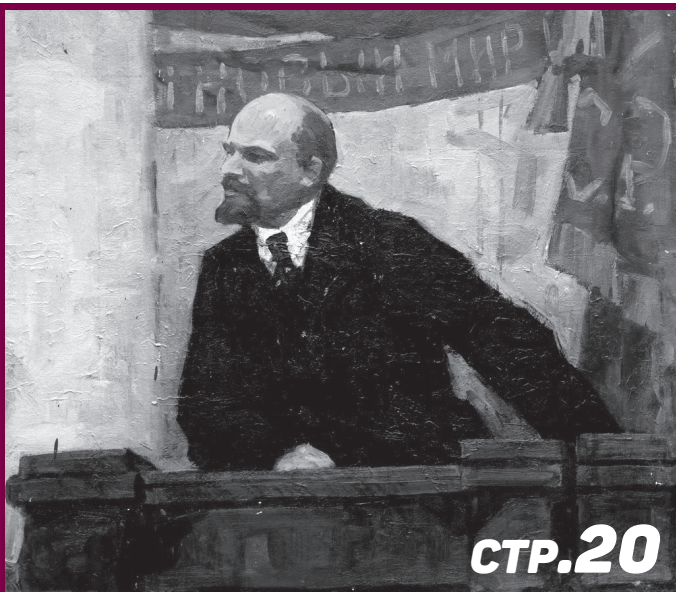
СТР.4-7

**ЗВЕЗДА И СМЕРТЬ
АНДРЕЯ ХАРИТОНОВА**

МАМОЧКА

**ЛЕНИН-
ДУБЛЬ
ДВА**

СТР.20

СТР.14-15

БОЛЬШОЙ, КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Народного артиста Сергея Степанченко без преувеличения можно назвать одним из самых любимых в нашей стране. У него на счету работы в 120 картинах, в числе которых «Next», «Сыщики», «Тобол», «Угрюм-река», «Медиум». Он такой органичный на сцене, всегда заполняет то пространство, где находится. И такой уютный и надежный. И говорить с ним можно бесконечно. А когда Сергей начинает говорить об ушедших своих друзьях, великих партнерах, он так искренен и пронзителен, как мало кто.

Геннадий Норд

- Как бы ты охарактеризовал театр «Ленком», в котором служишь уже больше сорока лет? В трех словах.

- Живой и динамично развивающийся.
- Но ведь говорят, что театр живет по-настоящему лет 10-12, не больше, а потом надо разбегаться, все менять и обновляться.

- Не вижу я разбежавшихся театров пока еще, ни одного, все существуют.

- Ну, не в прямом смысле. Мы же знаем: вот была Таганка, был пик ее популярности, а потом... Ведь так можно сказать почти о каждом театре. Когда ты пришел в «Ленком» в 85-м, это был самый расцвет, пик, молодой Захаров, вся труппа - но дальше... У тебя нет ощущения, что пришел застой, ступор?

- У меня лично нет, абсолютно. Как на духу. Ни одного признака, чтобы я почувствовал: вот тут уже распад начинается, - я, ей-богу, этого не вижу. Могучая труппа, просто великолепная, не на одно завоевание театральных высот еще способная. Продукт, который производит театр, - он прекрасен, на мой взгляд, и востребован.

- В спектаклях, поставленных Марком Захаровым, ты играл, но, к сожалению, в его фильмах тебе не удалось сыграть.

- Не удалось, и я жалею об этом. Я про себя скажу: то, что было позволено мне, молодому совсем человеку, наверное, я уже не делаю сейчас. Это не значит, что я изменился или мои принципы другими стали.

- Помудрел?

- Может быть, помудрел. Это не означает, что я изменил себе и стал думать по-другому, жить по-другому. Да нет, все то же самое осталось.

- Стал осторожным?

- Нет, не осторожным. Знаешь, я тут какие-то хроники нашел описания жизни царедворцев. Как же они там могли приложить друг друга, не оскорбляя несколько, и человек даже не очень-то враз понимал, что он стал посмешищем! Они не только шаркали там каблучками, они могли так завуалированно, так тонко и изящно сделать человеку очень нехорошую славу. Ну, можно было подойти и ударить перчаткой его по лицу, наверное, но можно было сказать слово... Иное слово ранит сильнее пистолета.

- Я помню «Поминальную молитву» в 90-м. И тебя там помню, и Пельтцер помню, и Леонова, и Абдулова, и Ларионова... Это было что-то неопишное! Там Леонов играл не еврейскую трагедию, а общечеловеческую, что еще важнее.

- Да, потом грузины приходили, говорили: это про нас спектакль; армяне говорили: это наша история.

- Да, безусловно. Но незаменимых людей нет, как говорил товарищ Сталин. Или есть?

- Боль от ухода каких-то дорогих людей остается всегда, безусловно. Другое дело, что театр как-то поправляется, как-

то перестраивает свои ряды, пытается все равно на марше оставаться, а не свалиться. Но боль от ухода - безусловно... Чтобы кто-то был забыт, на моем веку такого ни разу не было. Никогда наш театр не был Иваном, не помнящим родства.

- Боль - это одно, все люди, все помнят. Но вот пустота... Ушел человек, и заполнить уже никем, не заменить. Ушел Леонов, ушла Пельтцер, ушли Абдулов, Янковский, Броневой, Караченцов, Шейнцис...

- Я не понимаю, это какая-то метафизика.

- Метафизика в театре имеет значение.

- Я не знаю, что такое пустое место, не пустое. Это все-таки где-то в сердце, там.

- С Александром Абдуловым вы снялись не в одном фильме. Вы дружили? Глядя на экран, кажется, что это так, но ведь хорошие артисты могут еще это сыграть.

- Наверное, у Александра Гавриловича, что вполне естественно, были друзья и поближе, чем я. Я в этом уверен даже. Но если нам нужно было встречаться, мы встречались, не нужно - не встречались. В любую творческую затею я был зван Сашей, в любую. Сколько у него было театральных постановок, он всегда пригласил меня и считал, что мы вместе с ним можем сделать что-то интересное. Я с огромной радостью шел вместе с ним, несколько не подвергая сомнению, нужно мне это делать, не нужно. Я знал, что нужно. И никогда ничего неприличного Александр Гаврилович не предлагал ни в творчестве, ни в жизни. Более того, он был человеком такой широты и такой масштабности, всегда был готов и на бытовом уровне очень помочь, вплоть до героических вещей каких-то, о которых, может, и не надо говорить. Он всегда был в этом отношении человеком очень щедрым. И когда материальных вещей каких-то касалось, и когда касалось степеней моих актерских. Когда я думал: ну все, ничего не получится, - нужно было несколько дней уделить мне и сидеть, переубеждать и доказывать обратное, что я заблуждаюсь, что я не прав, и, как правило, он почти всегда оказывался прав. Я считаю, что мы с ним дружили, потому что дружба от поступков зависит. А то, что Сашу любило огромное количество людей и, наверное, тоже считало его своим другом, - это так. И это справедливо, это действительно соответствует истине.

- Еще Абдулов любил стариков, известно, как он относился к Пельтцер, например, к Леонову. Есть такое понятие - мхатовские старики, а у вас ленкомовские старики.

- Да, много было замечательных актеров. И не только актеров, театр состоит из большого количества подразделений. У нас были уникальные люди, такие как Василий Калинович Шкиль, заведующий музыкальной частью. Он стоял у истоков, прошел все периоды: и фронтовые, и всякие прочие. Конечно, его рассказы были бесценны... Это люди легендарные, люди, которых народ любил просто боготворил. И Татьяна Ивановна

На съемках

Пельтцер, и Евгений Павлович Леонов, и Всеволод Ларионов, Скоробогатов, Вера Марковна Орлова, Фадеева... А тот же Олег Шейнцис...

- А Леонов был закрытый человек?

- Ну, Евгений Павлович, конечно, не был балагуром. Он был не то что закрытым, но очень собранным человеком. Постоянно с этим сценарием, постоянно готовится, читает свою роль. То есть он всегда был сосредоточен, и я ни разу не видел, чтобы сидела компания, дико смеялась, а в центре был Евгений Павлович и какой-то очень лихой анекдот завернул.

- Да, и Райкин, и Жванецкий, и Андрей Миронов никогда на себя одеяло не тянули.

- Евгений Павлович - трагикомический актер. Для меня это самый высший пилотаж. Комедия и трагедия так рядышком находятся где-то. У Евгения Павловича было много иронии хорошей и самоиронии. Он всегда с огромной любовью относился к своей семье. Он безумно любил Андриюшу, любил Ванду, жену свою. Он, конечно же, в этом отношении был примером для многих, и для меня в том числе.

А Леонид Сергеевич Бронево! Когда у него было хорошее настроение, он мог угостить сигареткой, посадить с собой рядом и что-то такое заповедное, тонкое из личной жизни рассказать. Это было так потрясающе, так щемяще, так трогательно!

- Но он мог быть и мизантропом.

- Ну, как любой артист. Разные настроения, разные периоды жизни бывают. Но он же не должен всем ходить улыбаться, и не надо этого делать. Он такой мастер большой был, что имел право иногда оказаться наедине с собой, не посвящая особо других в свое состояние.

- Я вспоминаю «Неудачу Пуаро» Сергея Урсуляка, это такой стильный фильм, и ты там великолепен. Хочется ведь играть у таких режиссеров?

- Хочется. Жизнь идет своим чередом. Не надо грызть себя, самоедством заниматься, что я люблю очень. Я могу себе таких подзатыльников надавать, каких ни один зритель, ни один критик мне не надает. Но не хочется играть подлецов, отрицательных персонажей.

- Но ты же артист!

- Да, но потом перед людьми неудобно будет. Как говорила одна наша великая актриса: «Деньги закончатся, а стыд останется».

- Стыд останется от плохой, неталанливой роли. Если бы Бронево отказался играть Мюллера в «Семнадцати мгновениях», ты представляешь, что бы это было?

- Но у меня есть кое-что в жизни, в чем я лучше бы не участвовал.

- Что тебя вдруг понесло в сторону актерской деятельности?

- Ничто не предвещало. Ни с какого боку. Намеревался моря рассекать. Прежде всего, потому, что папа в свое время служил во флоте. Это потом уже он стал заниматься мелиорацией, создавал

в Приморье мощную мелиоративную систему по выращиванию риса - рисовую житницу на манер Китая. И дядя мой, отцов брат, был моряком. Разумеется, мне очень нравились и его рассказы, и то, как он выглядел в морском кителе. Немаловажно было и то, как выглядела его жена

В фильме «Сыщики»

На сцене Ленкома

- всегда одета не по-здешнему, с особым заграничным шиком. Поэтому все окружающие меня прекрасно понимали: если по части бытовых радостей хочешь жить лучше соплеменников, да и просто посмотреть мир своими глазами, нужно отправляться в далекие странствия. И тут лучший вариант - заграничье. О других профессиях, типа дипломата или разведчика, и мыслей не было, где на них учат - никто не знал. А моряки - вот они, под боком. Поэтому мое желание пополнить ряды морского братства было абсолютно обоснованно. Но мама - она работала технологом на швейной фабрике - неожиданно резко воспротивилась. Сказала:

- Не пушу!

И привела неопровержимые аргументы, главный из которых: у моряков некрепкие семьи, бесконечная разлука плохо действует на психику плюс со здоровьем всегда проблемы. Ну, а поскольку авторитет родителей для меня был очень силен, слово, ими сказанное, всегда являлось руководством к действию.

- В каких краях ты с семьей жил?

- Я мигрировал. Сначала с родителями - в раннем детстве, в возрасте двух лет, переехал из Новосибирской области в Черниговский район Приморского края. Там и вырос. Это была дотелевизионная эпоха, ящика, постоянно выливающего кучу информации, не было, а потому дома ничего, кроме родительской любви, особо не держало. Соответственно, все самое интересное происходило на улице. И негативное, безусловно, и познавательное, если иметь в виду жизненные университеты. Там в компании мальчишек вместе со всем учился брэнчать на гитаре, ухаживал за девчонками. Короче, ничем молодость не отличалась от молодости моих сверстников.

- Значит, и в уличных драках, распространяемых тогда в провинциальных городах, участвовал?

- Не так уж часто. Молодецкого ухарства и неодолимого желания бессмысленно заехать кому-то по лицу у меня никогда не было. Но иногда все-таки возникала необходимость вести боевые действия. Например, в поисках справедливости с нахальными курсантами из местного гарнизона морской авиации, вечно задиравшими нас на танцах. Но вообще-то ни я, ни мой младший брат Игорь сильно родителей не огорчали.

- А самостоятельно мигрировать когда начал?

- Сразу после окончания школы. Сейчас самым манящим мегаполисом для провинциалов является Москва, а тогда для меня любой город казался другой планетой. Обязательно нужно было покинуть насиженное место, вылететь из родительского гнезда. Вот я и уехал из дома и обратно на ПМЖ уже не возвращался. Ближайшие лет пять были

Окончание на с. 10

В фильме «Медиум»

В фильме «Кавказская пленница»

Окончание. Начало на с.9

наполнены поисками себя и получением образования в высшей школе. Разумеется, мое движение в сторону славного актерского дела в кругу родственников вызвало оторопь, выражавшуюся в виде недоуменного покачивания головой и пожимания плечами. Да я и сам от себя такого не ожидал. Зацепился за эту идею, когда за компанию с товарищами отправился поступать в Хабаровский институт физической культуры. Неожиданно оказался на съемочной площадке - прочитал объявление о приглашении молодых спортивных людей в массовку. Причем, в разные фильмы: где-то белогвардейцев изобразить, где-то, наоборот, красноармейцев, то в поле полежать, то в Амуре трупами плавать... Во-первых, интересно было и захватывающе, а во-вторых, платили прилично - по три рубля за смену.

«Шикарная профессия, - подумал я. - За ничегонеделание деньги раздают. Если так и дальше пойдет, можно жить, в ус не дуя».

Короче, перспектива показалась заманчивой, и, поучившись недолго в Хабаровске и Уссурийске, я поступил в Дальневосточный педагогический институт искусств, который благополучно окончил.

- А ты был влюбчивым?

- Да, как любой нормальный юноша. В основном в красавиц неземного кинематографического вида. Но не будем лукавить: поскольку в 19 лет я был уже женат, то холостым в прямом понимании этого слова я не был никогда.

- Почему же так рано женился?

- Не знаю. Я ведь уже говорил, что на многие вещи не знаю ответа. Видно, так судьба распорядилась. Только судьба могла подстроить студенту-первокурснику, едва вернувшемуся из стройотряда, встречу со студенткой Ириной. Направить его с другом отметить возвращение в кафе, где именно в это самое время праздновала чей-то день рождения компания девчонок, самой симпатичной из которых оказалась Ира. Там уже и свадьба подоспела, а вскоре Катя родилась. Вот только не сразу я свылся с тем, что, когда дочка говорила «папа», она подразумевала меня. Все оглядывался - где этот солидный мужчина, глава семьи? Теперь Катя сама уже мама.

- Основа прочности семейной жизни в идеале: когда муж и жена совпадают характерами или, наоборот, являются противоположностями, лед и пламень?

- Ну, ей-богу, не знаю. Пять дней в неделю хорошо так, а два дня - по-другому. А такого, чтобы договориться: давай будем всю жизнь в одну сторону смотреть, - не происходит. Ира - человек прекрасный, редчайшего такта и мудрости. Личность. Поэтому и является для всех нас флагманом. А я, наоборот, носитель всех проблемных качеств, которыми страдает человечество. Абсолютно всех, от и до. По алфавиту прямо любой недостаток назови - и все это будет мне соответствовать. И, конечно, Ире, при всей ее сверхтерпимости, не всегда хватает выдержки это выносить.

С женой Ириной и дочерью Катей

С сыном Юрой, женой и дочкой Катей

С женой Ириной

- «Должность» деда на тебе как-то отражается?

- «Дедовщина» ощущается, когда у людей дети выросли, отпочковались, а заводить новых, как писали поэты, «поздно уж, милая, поздно...», и вот на месте этой проплешины появляются внуки. А если у тебя у самого невзрослый ребенок все совсем иначе. Когда родилась Сонечка, Юре было всего шесть лет. А потому отношение к внучке точно такое же, как к сыну, - не дедовское, а скорее отцовское. У меня вообще в жизни ситуационно все не так, как по писаному.

- Родить второго ребенка спустя почти 20 лет после первого - отважно.

- Так Господь распорядился, а мы с Ирой не противились. Вот он и появился на свет. Может, для того чтобы восполнить пустоту после того, как ушел из жизни мой отец, в честь которого, кстати, мы сына и назвали. Замечательный парень получился - образованный, много чего умеющий. Во многом умнее меня, прагматичнее, в куче вещей сообщает во сто крат более, чем я, старорежимный. Поэтому, наверное, я больше сам учусь у него, нежели он у меня.

- Ну, сына вы растите уже взрослыми, состоявшимися людьми, а с дочкой, будучи студентами, как справлялись?

- Родители с обеих сторон помогали - поскольку денег нам не хватало катастрофически, постоянно что-то подкидывали. Ира, спасибо ей, никогда не ограничивала меня в моих студенческих радостях, и во время учебы я очень много времени проводил в институте, в общежитии. Мы сочиняли спектакли, песни, что-то творили. Конечно же, эпизодически я старался где-то подрабатывать, но доходы от этого были микроскопические. Вот когда после получения диплома стал работать в Сызранском драматическом театре, ситуация наша несколько улучшилась. Во-первых, появилась постоянная зарплата, а во-вторых, мы получили свою первую в жизни квартиру. Ну и плюс к бытовому комфорту образовался комфорт творческий - я играл много самых разных ролей. Одновременно начал руководить Студенческим театром миниатюр в Политехническом институте. В общем, работы всегда хватало.

- Но душа все-таки, как у чеховских сестер, рвалась в Москву?

- Ну да. Артисты ведь люди честолюбивые, амбициозные. Конечно, хотелось прорваться, сделать, как говорится, творческую карьеру. А какие на это шансы в маленькой Сызрани? Никаких. И я решил сделать гигантский рывок - ни больше ни меньше - в Театр имени Ленинского комсомола. У меня был прекрасный педагог по предмету «театр» - Галина Островская. Очень неспокойный человек, она постоянно ездила в Москву и потом безумно интересно рассказывала о столичных театральных постановках. Можно сказать, я полюбил театр ее глазами, и больше всего мне в душу запал «Ленком». Только поначалу я даже не помышлял о том, чтобы в нем работать, это казалось несбыточным, но, тем не менее, что-то все время вело меня именно туда.

- А как же кино?

- По поводу кино у меня никаких планов не было. В театре действительно хотелось работать, а кинематограф - нет. Бог знает, что это вообще такое! Казалось, этим занимаются люди какого-то особого сорта. И вдруг совсем неожиданно образовалась небольшая роль в фильме «Зина-Зинуля», снимал его тогда молодой начинающий режиссер Павел Чухрай, а мне довелось сыграть какого-то прораба на стройке, песенки, помню, пел под гитару. Вслед за ним - картина «Лермонтов» у Николая Петровича Бурляева. А вскоре Алла Сурикова доверила мне одну из главных ролей в «Чокнутых», в связи с чем я считаю Аллу Ильиничну своей кинематографической мамой. Ну, а дальше уж все пошло в рабочем порядке.

- Юноша из провинции оказался в незнакомой атмосфере столичной жизни, да еще среди звезд знаменитейшего театра. Какое у тебя было впечатление от знакомства с ними?

- Эти люди пришли в мою жизнь сразу в большом количестве в виде художества театра: они смотрели мой показ - я читал рассказ Шукшина «Верю!».

То есть всех небожителей я сразу же увидел в одном месте: Захарова, Пельтцер, Леонова, Чурикову, Скоробогатова, Ларионова, Абдулова, Янковского. Конечно же, на меня, как на любого нормального человека, это действовало - придавало изрядный процент лишней трясушки. А после показа ко мне подошел Александр Гаврилович Абдулов и сказал:

- Что делаешь сегодня? Пойдем, отметим твое зачисление в труппу!

И мы отправились в Дом кино. Я был ошеломлен. Невероятно - при такой сверхпопулярности абсолютная простота в общении.

Не думаю, что ко мне он отнесся прямо как-то по-особому. Дело в том, что Абдулов был человеком редкого сорта - умел так общаться с людьми, что каждый считал себя одним из самых лучших его друзей. У меня сложилось впечатление, что с первого момента нашего знакомства Саша стал оказывать персонально мне повышенное внимание. Он бесконечно знакомил меня с интереснейшими людьми из неведомого мне столичного мира театра и кино, много помогал в профессии. А потом я понял, что такое впечатление было у всех, кто оказывался с ним рядом. Просто он так жил. В безостановочном общении с людьми самых разных возрастов, профессий, национальностей, которых он моментально умел объединять и превращать в единую компанию, веселую и дружелюбную. И все-то у него получалось естественно. Никогда не был скуп, сдержан в порывах, и если ему хотелось сделать приятное своим друзьям, он делал это невзирая ни на что. Обожаю устраивать сюрпризы - спонтанно, под настроение. Допустим, однажды, ни словом не предупредив, организовал празднование моего 44-го дня рождения у себя на даче. Вдруг позвал к себе - будто нужно срочно приехать, а когда я прибыл во Внуково, меня встре-

С женой Ириной на красной дорожке

чала куча гостей, большинство из которых, к слову, я совсем не знал, накрытые столы и счастливый Александр Гаврилович. Он меня быстро со всеми перезнакомил, и праздник получился хоть куда.

- А как с Сызранским театром?

- На тот момент Сызранскому театру предстояли гастроли, на мне был репертуар. Я сказал об этом Марку Анатольевичу, и он меня потряс тем, что не позволил подвести другой коллектив. Дал доработать в Сызрани, а после этого я уже стал служить в «Ленкоме». Считаю, это поступок большого художника и руководителя.

- Надо полагать, после того как ты стал артистом «Ленкома», твои родители перестали скептически относиться к роду деятельности сына?

- Увы, продолжали. Сомневались, нужно ли кому-нибудь то, чем я занимаюсь. И тут мне невольно помогла Татьяна Ивановна Пельтцер. В один из приездов в Москву родители пришли посмотреть спектакль «Поминальная молитва» и в антракте в нашем закулисном буфете оказались с ней за одним столом. Татьяна Ивановна сказала им, кивнув в мою сторону:

- А мы с вашим-то дружим...

По лицам мамы с папой я увидел, что от счастья они едва не расплакались. Немудрено - услышали от своего кумира такие слова в адрес непутевого сына. С этого дня они стали относиться к моей профессии с большим пониманием.

- Как ты борешься с собственными недостатками?

- Недостаток - понятие какого-то иного толка. Ты какие свои недостатки можешь вспомнить?

- Иногда нападает лень.

- Во! Это и про меня тоже. Я капитан дивана.

- Твой герой в «Сыщиках» с большим удовольствием поглощает пирожные. В жизни ты такой же сладкоежка?

- Вообще нет, это придумка сценариста. Могу, конечно, съесть пирожное. Но так чтоб любить... Наоборот, я заставляю себя их не любить: куда мне еще пирожное.

- Хорошего человека должно быть много.

- Меня и так много.

- Ты веришь, что у каждого на свете есть своя половинка, которую если встретишь, то проживешь вместе всю жизнь?

- Абсолютно точно знаю, что это так и есть.

- Ты можешь пойти встретиться с друзьями без жены?

- Очень запросто.

- И она не обижается?

- Во всяком случае, делает вид, что не обижается. Может, где-то там обиды и есть, но она очень умная и чуткая женщина.

- Тебе никогда не хотелось уйти из театра в свободное плавание?**Играть в антрепризах, например?**

- Меня много раз звали в антрепризы, но я даже представить себе не могу, как это я выйду на другую сцену, с другими партнерами. Вот есть мой театр. Я его люблю, мне его достаточно. Не думаю, что в антрепризах есть что-то плохое. Просто я этого еще не пробовал.

- Ты согласен, что именно сериалы сделали тебя знаменитым?

- Да кто его знает. Знаменитость - понятие достаточно условное. Вот сейчас показывают по телевидению мои фильмы, я популярен. Через какое-то время появится кто-то другой. Это не та слава, которая была, скажем, у актеров прошлых лет, когда в кино ходили всей семьей.

- Знаю, что ты все-таки бросил курить.

- Да, сказал себе: «Это последняя за-тяжка». С тех пор не курю.

- Мощная сила воли!

- Не знаю, сила воли это или же боязнь чего-то. Мне показалось, что я начинаю себя как-то хреново чувствовать. Потом вижу: у одного какие-то проблемы, у другого. И решил: пока не поздно, надо завязывать. Хотя курить постоянно хочется. Поэтому я прошу друзей не курить в машине, дома у меня тоже никто не курит.

- А к спиртным напиткам какое отношение?

- Самое позитивное.

